

Лес может стать основой экономического роста. Но при другом отношении...

В.В. НЕФЕДЬЕВ, доктор географических наук, академик РАН, Москва

Лесные ресурсы России – это огромное народное достояние. На ее территории находится 1/5 мировых лесных запасов, объём которых – более 82 млрд м³. Общий ежегодный прирост древесины составляет около 1 млрд м³. Расчётная лесосека, т.е. научно обоснованный размер ежегодной рубки – около 500 млн м³, но используется только лишь 35%. В то же время на вырубках в качестве отходов оставляют до 40% заготовленной древесины (при самовольных рубках – до 80%).

Во многих областях Центральной России существуют значительные законодательные ограничения для рубки. В Московской области дошли до абсурда – в соответствии с новым Лесным кодексом, введенным в 2006 г., вообще запретили рубить лес, в том числе и новогодние елки на специально заложенных плантациях, чем, конечно, был нанесён значительный ущерб лесному хозяйству. Но никто за это не ответил, ведь принимала решение власть.

Кажется, что такого просто не может быть, но, к сожалению, это грустная реальность. Представьте себе, что вы на собственном огороде не имеете права убирать посаженную картошку, огурцы или яблоки...

Финляндия, у которой запасы древесины в сотни раз меньше, чем в России, заготавливает ежегодно почти 60 млн м³ древесины и перерабатывает ее. Ни одного кубометра необработанной древесины она не вывозит. Это сложилось исторически: после войны Финляндия могла выплачивать контрибуцию только за счет древесины, других природных ресурсов у нее нет. Для стимулирования собственного лесного комплекса после войны вышел закон о запрете вывоза древесины в круглом виде. Не было денег, не было специалистов. Но отрасль восстановилась буквально через пять лет. На сегодня лесной комплекс Финляндии дает 30% ВВП.

Следует отметить, что от общего объема прироста древесины в Финляндии используют 90%, США – 60%, в Канаде – 40% с учетом того, что там много недоступных и малоэффективных лесов, как у нас. А в России прирост используется от 5 до 20% в зависимости от регионов. А куда же девается вся перестойная древесина, которую мы – очень радетельные хозяева – не выбрали? Зайдите в лес и вы её увидите в виде гнилья под ногами, сухих и больных деревьев, бурелома и ветровала – это и есть не убранный вовремя урожай. Даже в Московской области леса представляют из себя сплошной могильник древесины, а должны были бы приносить доход, причём постоянно увеличивающийся, как в Финляндии.

Лес может стать основой экономического роста. Но при другом отношении...

Глубина переработки древесины у нас невелика. Ассортимент продукции очень бедный. Прибыль при переработке леса на пиломатериалы небольшая. Сейчас много говорят о производстве фанеры – там прибыль выше.

Но есть и гораздо более экономически эффективные виды продукции. Например, сегодня Россия закупает активированный уголь для нужд оборонного комплекса и медицины за рубежом. Себестоимость 1 т этого продукта – около 500 дол., рыночная цена – до 3 тыс. дол. Возьмем древесный уголь, который повсеместно в мире используют для отопления. Себестоимость получения 1 т – около 3 тыс. руб., цена на внутреннем рынке оптом – по 10–16 тыс. руб. за тонну. Но берут его только для шашлыков. Хотя Южная Америка использует десятки миллионов тонн древесного угля на отопление. Там не топят древесиной. Причем на основе такого угля получают не только тепло, но и электроэнергию. В Африке даже создают специальные плантации, где выращивают пальмы именно для получения древесного угля.

В нашей стране древесина практически не используется для получения электроэнергии, налицо только первичные ростки в этом направлении. Но следует отметить, что ещё в 1956 г., до открытия «большой нефти» в Западной Сибири, 20 тыс. трелёвочных тракторов, что возят лес, работали на газогенераторных установках, то есть на древесине, а на лесосеке раскряжёвка древесины производилась только электропилами. И лишь после разведки наших запасов в Западной Сибири мы, обезумев от счастья, что столько от газа и нефти получаем денег, бросили это направление и теперь в лес возим бензин, мазут и т.д. На мой вопрос о том, сколько используется древесины на получение электроэнергии, директор Департамента топливно-энергетического комплекса Красноярского края ответил: «На отопление – 7%, а получать электроэнергию из древесины – нонсенс».

Такая же психология существует и в нашем правительстве. Там не понимают, что лес – это возобновляемый ресурс, он может стать одним из важнейших компонентов экономического роста России. Другие ресурсы – газ, уголь, золото и т.д. – конечны. Лес – чем больше мы его берем (конечно, при должном научном обосновании), тем больше получаем. А если лес не рубить – запасы уменьшаются.

Так, в Московской области в 1960–1970 гг. расчетная лесосека составляла 10 млн м³. На гектаре лесных массивов средний прирост за год составлял до 12 м³. Сейчас, когда рубка леса в области запрещена, и лес превратился в бурелом, прирост уменьшился до 3,1 м³/га.

Кроме того, из леса можно получить значительно больше ресурсов, помимо древесины. Здесь огромные запасы дикоросов, на которые в России никто не обращает внимания, а во всех европейских странах это – огромная статья дохода, в том числе и в качестве экспортного товара. Раньше у нас в каждом

лесничестве была грибоварня, к каждому леснику несли грибы и ягоды, и он, согласно плану, производил приёмку и первичную обработку этих дикоросов. Кстати, это обеспечивало значительный прирост населения, в том числе и школьникам. А сегодня мы не найдем в магазинах грибы российского производства.

При таком отношении к лесу в этом году нас настигла давно ожидавшаяся беда – пожары. Во многом эта трагедия связана с принятием нового Лесного кодекса. Специалисты были против этого кодекса, выступали, говорили, писали, даже пытались привлечь зарубежные экологические организации – бесполезно! Все равно кодекс приняли, и вот теперь мы пожинаем плоды.

В 2000 г. по решению президента была ликвидирована самостоятельная лесная служба, которая служила России ровно 200 лет.

Затем был принят новый Лесной кодекс, который практически уничтожил остатки профессиональной лесной охраны.

За 2008–2009 гг. было уволено 60 тыс. лесников из 90 тыс. Те, что остались, просто не в состоянии ни охранять лес, ни тем более – тушить пожары. Поэтому и сгорело так много леса. Хотя премьер-министр недавно озвучил цифру, что у нас сгорело около 2 млн га – меньше, чем в 1972 г., на самом деле площадь пожаров – 18 млн га леса. Такого никогда не было! И первые три месяца пожары тушили оставшиеся лесники, только в августе об этом начали говорить и писать, подключилось МЧС и т.д.

Сейчас вышел Указ правительства о награждении за тушение лесных пожаров – в списке нет ни одного лесника, ни одного работника лесного хозяйства! Более того, был поставлен вопрос об увольнении трех региональных руководителей лесного хозяйства, как раз тех, кто больше всех боролся с пожарами. Одного из них, находящегося во время пожаров в больнице, уволили в нарушение действующего законодательства. Человека, более 30 лет проработавшего в лесном хозяйстве, теперь нигде не принимают на работу. Вот она, действительность, а не то, что мы ежедневно слышим по поводу построения правового государства.

Проблема лесной отрасли поднимается еще с 1980-х годов. Неоднократно докладывали и докладывают о ней и на заседаниях правительства. Дважды этот вопрос поднимался и в Совете безопасности РФ.

Но никто не отвечает ни за такие вот решения, ни за непринятие необходимых решений. Это и есть безответственность. К сожалению, приходится констатировать отсутствие политической воли у руководства страны в этой сфере. О лесах много говорят, но мало что делается.